

ВОПРОС О "РАСШИРЕНИИ РОБЕРТА МЕРТОНА" РАССМАТРИВАЕТСЯ В СУДЕ

Предыстория этого редкого в сфере науки события восходит к июлю 1992 года, когда заведующий лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, кандидат экономических наук С.А.Белановский представил в Институт социологии РАН рукопись монографии "Методика и техника фокусированного интервью" с тем, чтобы она была издана под грифом института и принята в качестве докторской диссертации. Рукопись была включена в план издательства "Наука" и в то время, как многие работы профессионалов ждут очереди годами, принята к рассмотрению как докторская диссертация. Все дальнейшее хорошо документировано. В январе 1993 года рукопись Белановского обсуждалась на заседании Проблемного совета по методике и технике социологических исследований Института социологии РАН. Почти все члены Совета оценили работу отрицательно. Только В.С.Магун назвал ее "героической." С этого времени события приняли экстраординарный характер. Стал проявляться синдром, четко очерченный на заседании совета Г.А.Сатаровым: "Вместо объективного анализа исследовательской ситуации он (Белановский) придумывает "образ врага", который наиболее удобен для его самовосхваления". В качестве врагов определены О.М.Маслова и Т.М.Дридзе. На них было подано исковое заявление в суд о защите чести и достоинства и о возмещении вреда, причиненного публичным распространением заведомо ложных сведений (статья 7 Гражданского кодекса РФ).

В исковом заявлении С.А.Белановский писал, что негативные отзывы ответчиков, нанешие вред его профессиональному положению и репутации, содержат ложное утверждение, смысл которого заключается в том, будто истец заимствовал основу для своей монографии из книги Роберта Мертоня и его соавторов. Опровергая это, Белановский писал далее в своем заявлении: "Исходя из вышеизложенного истец просит:

1. В соответствии со ст. 7 ГК РФ ответчиков О. М. Маслову и Т. М. Дридзе письменно опровергнуть ложные заявления, порочащие его профессиональную честь и достоинство и дискредитирующие его научный труд. Опровержение должно быть напечатано отчетливым шрифтом, снабжено личной подписью ответчика и заверено печатью Института социологии РАН.

2. В соответствии со ст. 444 ГК РФ истец просит признать, что действия ответчиков причинили вред его профессиональным и материальным интересам. Конкретно этот вред выразился в следующем:

а) пострадала профессиональная репутация истца. Суд должен учесть, что рецензия О.М.Масловой и выступления обоих от ветчиков оглашались публично и стали известны широкой профессиональной аудитории;

б) в результате действий ответчиков как минимум на полгода был задержан выход в свет монографии истца (плановый срок перенесен с I на II полугодие 1993 г.);

в) повторное включение книги в план издания потребовало от истца значительных трудовых и нервных затрат;

г) за истекшие полгода стоимость бумаги и полиграфии резко возросли как в рублевом, так и в долларовом исчислении, в результате чего розничная цена книги со ставит 715 рублей. Столь высокая цена не может не ограничивать спрос, а ограниченность спроса ограничивает профессиональную известность автора;

д) в связи с указанным подорожанием полиграфии Институт народнохозяйственного прогнозирования, в котором работает истец, вынужден был заплатить издательству "Наука" за издание книги небывалую сумму — 1,1 млн. руб. Хотя затраты института не являются материальными затратами истца, они являются его моральными затратами (моральной задолженностью);

е) заведомо ложные заявления ответчиков стали элементом общей негативной оценки работы истца в ходе предварительной защиты его докторской диссертации. Помимо моральных и нервных издержек, это привело к отсрочке как минимум на год права истца представить свою работу на соискание степени доктора наук."

В заключение Белановский просил взыскать с Масловой и Дридзе за причиненный ими вред соответственно 50 и 20 тыс. рублей (в ходе суда претензии финансового характера были сняты).

12 июля 1994 года состоялось судебное разбирательство, на котором интересы сотрудников института представлял известный московский адвокат, кандидат юридических наук Г.М.Резник. Он выступил против переноса научных дискуссий в залы судебных заседаний, заметив, что Белановского следует занести в книгу рекордов Гиннеса, поскольку до него еще никто в России не подавал в суд на своих научных оппонентов.

По существу дела Резник заявил, что притязания Белановского незаконны и необоснованны. "Порочащими являются также не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или организацией действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, репутацию и т. п.), которые умаляют честь и достоинство" (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации №11 от 18.08.92 г.).

Критические замечания по конкретной научной работе и отрицательная ее оценка, высказанная в рецензиях, оппонентских отзывах, на научных дискуссиях и обсуждениях, естественно, без перехода на личность не порочат честь, достоинство и репутацию автора. Посему они не могут составить предмет судебного иска и не подлежат опровержению в порядке ст. 7 ГК.

В полной мере это относится к оспариваемым в исковом заявлении утверждениям ответчиков, полемизирующих с С.А.Белановским в рецензии на его работу и выступлениях при ее обсуждении на заседании Проблемного совета Института социологии РАН.

Сами по себе, независимо от их точности, сведения о том, какую информацию содержит книга, на каких ее страницах идет речь о фокусированном интервью, какое впечатление производит текст на рецензента, "расширяет" или "сужает" автор определения других исследователей, не носят порочащего честь, достоинство или профессиональную репутацию истца характера и не нуждаются в судебном исследовании.

Адвокат посчитал "избыточным" для судебного решения доказывать верность утверждению О.М.Масловой и Т.М.Дридзе в их рецензии и выступлениях. Но привел эти доказательства, как он сказал, "с целью изобличения С.А.Белановского в заведомой лжи, т. е. в том обвинении, какое он предъявляет моим доверителям — двум известным социологам, ученым с безупречной репутацией".

Ложь, будто "смысл ложного утверждения ответчиков заключается в том, что истец якобы заимствовал основу для своей монографии из книги американского автора Роберта Мертона и его соавторов". У ответчиков нет даже намека на заимствование Белановским основы его работы (автор ошибочно называет ее монографией — работа издана в качестве учебно-методического пособия) из книги Р. Мертона и его соавторов.

Книга Белановского называется "Методика и техника фокусированного интервью". Термин "фокусированное интервью" был впервые предложен в книге Р. Мертона, М.Фиске и П. Кендалл "Фокусированное интервью. Проблемы и методы", изданной в США в 1956 г. Это обстоятельство признает сам Белановский в своем пособии (стр. 97). Кстати, в переводе с английского книга Р.Мертона и др. была издана в 1991 г. под редакцией истца.

В рецензии на книгу Белановского О. М. Маслова пишет: "Главный ее недостаток состоит в том, что ее содержание плохо согласовано с многообещающим названием и книги в целом, и ее разделов... Собственно о фокусированном интервью речь идет только там, где автор пересказывает работу Мертона с соавторами... Там же, где речь идет об отечественном опыте (журналистское интервью и интервью социолога с заказчиком), специфика именно фокусированного интервью не рассматривается... обращение к проблеме фокусированного интервью (а это довольно узкая и четко определенная разновидность неформализованного интервью), вынесенное на обложку книги с подзаголовком о жанре учебно-методического пособия, порождает у читателя вполне логичные ожидания: получить описание специфики этого метода не только в пересказе опыта зарубежных социологов, но и на собственном авторском материале. Но текст производит впечатление механического соединения перевода книги Мертона с соавторами и фрагментов интервью С.А.Белановского (или его интервьюеров). В результате вполне понятно, что такое фокусированное интервью по Мертону, но что такое интервью Белановского, по большей части понять затруднительно" (стр. 2, 3, 4 рецензии).

Основное замечание Т.М.Дридзе, высказанное на Проблемном совете, состояло в "неопределенности жанра и замысла работы" (стр. 3 протокола заседания Проблемного совета).

Таким образом, смысл критических замечаний ответчиков заключался в том, что автор, сделав заявку на исследование проблематики фокусированного интервью, специфику именно этого метода в своей книге не рассматривает. Такая позиция была поддержана всеми выступавшими членами Проблемного совета.

Утверждая при таких обстоятельствах, что ответчики обвиняют его в заимствовании основы своего пособия из книги Роберта Мертона, Белановский совершает жульническую подтасовку.

Ложь, что "книга не содержит нормативной информации о принципах проведения фокусированного интервью по Р. Мертону". Изложению сущности "фокусированного интервью" по Р. Мертону и принципов его проведения в работе Белановского посвящены примерно десять страниц с приведением обширной цитаты из книги Р. Мертона и его соавторов (стр. 96-101, 221-224).

Ложь и передержка — фраза из искового заявления, якобы "книга истца не является пересказом указанной книги и не содержит ни одного фрагмента, в котором ее перевод или пересказ дополнялся бы отрывками из интервью С.А.Белановского или его интервьюеров".

О.М.Маслова не писала, что вся книга Белановского — это перевод или пересказ работы Р.Мертона и его соавторов. Рецензент отмечала, что "собственно о фокусированном интервью речь идет только там, где автор пересказывает работу Мертона с соавторами", т. е. на уже вышеназванных страницах 96-101, 221-224.

Ложь, что "истец нигде не заявляет и не признает, что он "расширяет" Мертона". На заседании Проблемного совета Белановский заявил:

"Я расширяю определение Мертона, поскольку в неструктурированных интервью также применяются приемы фокусирования" (ст. 2 протокола).

В своей книге истец неоднократно высказывает мнение о сужении Р. Мертоном и его соавторами границ применения понятия "фокусированное интервью" (с. 99). Это дало полное основание Т.М.Дридзе констатировать: "автор сам признает, что не открывает нового направления в методике, а только "расширяет" Мертона".

Изложенное показывает, что в своих отрицательных отзывах на работу С.А.Белановского ответчики не исказили ее фактуру.

Столь же надуманны утверждения истца о нанесении ему материального ущерба и морального вреда. Издание оплачено Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН. Никаких материальных затрат истец при этом не понес. Можно согласиться с истцом в том, что отрицательные отзывы на книгу повлекли за собой "нервные издержки".

Негативные оценки нашей деятельности, естественно, здоровья и настроения не прибавляют. Однако у истца нет никаких оснований считать такие "издержки" еще и моральными. Психические переживания не тождественны нравственным страданиям, составляющим в соответствии со ст. 131 Основ гражданского законодательства моральный вред. Такого вреда ученому полемика с ним нанести не может.

После выступления адвоката, истец Белановский стал апеллировать к равенству спорящих сторон; по его словам, "адвокат подготовился более систематически". Однако судья резонно заметила, что истец был предупрежден о возможности квалифицированной юридической помощи.

Решение суда было отложено, поскольку Белановский заявил, что плохо себя чувствует.

После вторичного разбирательства суд вынес решение отказать Белановскому в удовлетворении его иска к Масловой и Дридзе, ибо разногласия имеют научный характер. Однако дело на этом не закончилось. Белановский подал кассационную жалобу в Московский городской суд. В ней выражено несогласие с постановлением Пленума Верховного Суда РФ, где определялись признаки "порочащих сведений". По мнению Белановского, не учтены два аспекта: "Во-первых, ст. 7 ОГЗ СССР и республик от 31 мая 1991 г. и ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах гарантируют гражданам РФ защиту не только чести и достоинства, но и деловой репутации. Во-вторых, деловая репутация человека зависит не только от соблюдения им законов и моральных принципов, но и от его квалификации, деловых качеств, качества выполняемой им работы и т. п." Исходя из этого, Белановский предлагает принять такое решение: "Не соответствующие действительности сведения, на основе которых делается (или может быть сделан) вывод о низкой профессиональной квалификации работника, низком качестве или недостаточном объеме его работы, его профессиональной непригодности и т. п., порочат деловую репутацию человека также и в том случае, если распространивший такие сведения не утверждает, что низкое качество или недостаточный объем работы явились следствием умышленного поступка (недобросовестности)."

Суть своей жалобы истец изложил в следующих пунктах:

"Высказывания ответчиков являются ложными и даже заведомо ложными. Их ложность доказуема. В суде этот вопрос не исследован.

В целях упрощения процесса я готов признать, что высказывания ответчиков не содержат обвинения в совершении аморального поступка (плагиате). Настаиваю, однако, что на основе не соответствующих действительности утверждений ответчики делают выводы о низком качестве и недостаточном объеме проделанной мною работы. Это порочит мою деловую репутацию.

В своем решении судья Т.Н.Долгова могла и обязана была указать, что исковое требование было отклонено в связи с тем, что обжалуемые высказывания не содержат прямых обвинений в совершении противозаконных или аморальных поступков. Такое решение было бы честным и не вызвало бы персональных претензий к судье, поскольку судья низового уровня связан в своих действиях трактовками законодательства, даваемыми Верховным Судом. К сожалению, судья Т.Н.Долгова предпочла поступить иначе. Она мотивировала свое решение юридически и логически некорректным аргументом о том, что обжалуемые в суде разногласия якобы носят "научный" характер. Эта формулировка, будучи по существу неюридической, только запутывает дело и затрудняет обжалование неправильного решения.

Сообщаю, что судья Т.Н.Долгова оставила без рассмотрения заявление о наличии в действиях ответчиков состава уголовного преступления по ст. 175 УК РФ. Основаниями для такого заявления являются:

Научная экспертиза, выводы которой полностью или частично основаны на заведомой лжи (или лжи, допущенной по халатности), представляет

собой общественно опасное деяние, причиняющее вред не только автору соответствующей работы, но и обществу в целом.

Обжалуемые высказывания являются составной частью официальных документов, содержащих юридически значимые выводы. Указанные документы хранятся в делах Института социологии РАН и, возможно, других организаций.

Официальные рецензенты и официально назначенные участники обсуждения являются должностными лицами.

В деле имеются доказательства, что ложь является заведомой.

Считаю, что суд был вправе отклонить данное мое заявление, но он не вправе оставлять его без рассмотрения.

При анализе данного вопроса прошу обратить внимание на решение Верховного суда РФ по делу офицера Пестрякова, обжаловавшего в суде необъективную служебную характеристику (Бюллетень Верховного Суда, 1994 г., №1). Считаю, что дело Пестрякова имеет много аналогий с моим.

Прошу учесть, что отказ в удовлетворении моих исковых требований будет означать, что закон не запрещает составлять акты научной экспертизы, выводы которой основаны на заведомой лжи."

Иск был безоговорочно отклонен. В ноябре 1994 года Московский городской суд, куда Белановский обратился с апелляцией, оставил решение суда первой инстанции в силе.

Какие уроки можно извлечь из этого инцидента? Демократизация судебной системы открыла возможность принятия к производству таких исков, которые являются надуманными. Этим воспользовались люди, которые хотят "иметь имя в науке без соблюдения норм, регламентирующих нормальную жизнь сообщества. Предполагается, что любой эксперт, давший отрицательное либо критическое заключение о работе, наносит ущерб автору и тем самым, несет судебную ответственность. Несмотря на разъяснение Верховным судом квалифицирующих признаков оскорбления чести и достоинства - они не касаются оценки научной работы, - суды принимают к рассмотрению иски подобного рода, и специалисты вынуждены писать объяснения и ходить по судам. Хорошо, если юридическую защиту будет вести профессионал такого уровня, как адвокат Г. М. Резник.

Оказывается, в условиях демократии более безопасно осуществлять экспертизу научных работ в закрытом порядке и не сообщать автору никаких сведений, "порочащих его научное достоинство."

Г.А.МУНДИ